

16424

Урне

ВЪ ПОЛЗУ ПОСТРАДАВШИХЪ ОТЪ НЕУРОЖАЯ.

ЛЕКЦІИ

Въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Александровскомъ Лицеѣ.

„ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПРАВА“.

Н. М. КОРКУНОВА.

СГЛБ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Р. Гошке, Троицкая, домъ 18.

1892.

816, л. ср. пр.

~~~~~  
Расходы по изданію приняла на себя типографія Р. Голице.  
~~~~~

Общественное значеніе права.

Милостивые государыни и государи!

Тяжелое безвременье, надвинувшееся на Русскую землю, всѣмъ намъ ставитъ одну задачу, на всѣхъ налагаетъ одну обязанность — долгъ братской помощи кто чѣмъ можетъ и кто какъ умѣетъ; и прежде всего, конечно, помощи матеріальной. Не остался и не останется безотвѣтнымъ высокій призывъ къ пожертвованіямъ. Быть можетъ, намъ не придется похвалиться отдѣльными крупными пожертвованіями. Но не въ богатствѣ отдѣльныхъ лицъ наша сила. Какъ въ былое время богатѣй Садко не осилилъ господина Великаго Новгорода, такъ и всегда на Руси

Жита по зернушку
Горы наношены.

Но великое народное горе требуетъ и другой помощи, помощи знанія. Чтобы помочь тяжелой бѣдѣ мало одного горячаго порыва сердца. Надо знать и умѣть: надо знать средства, надо умѣть приложить ихъ къ дѣлу. И какихъ только вопросовъ не выдвинулъ за собой вопросъ о неурожаѣ! Представители самыхъ разнообразныхъ отраслей чело-вѣческаго вѣдѣнія въ дружныхъ усиліяхъ работаютъ надъ разрѣшеніемъ этихъ насущныхъ вопросовъ дня. Прежде всего ищутъ средствъ непосредственной борьбы съ послѣд-

ствіями неурожая. А затѣмъ выдвигаются и болѣе общіе вопросы. Приходится внимательно отнестись къ самимъ себѣ, приглядѣться къ условіямъ нашего быта, выяснить причины бѣдствія, озаботиться мѣрами предупрежденія его возможнаго повторенія—и, какъ всегда въ общественныхъ вопросахъ, и тутъ оказываются затронутыми всѣ стороны общественной жизни, всѣ вопросы такъ переплелись и такъ неразрывно связаны между собой, что нельзя коснуться одного, чтобы не затронуть и другихъ. Вопросъ обобщается самъ собой и незамѣтно переходитъ въ общій вопросъ о подъемѣ общественной культуры. Мы не властны измѣнить условій нашего климата, мы не можемъ распоряжаться атмосферными осадками. Приходится подумать о томъ, какъ ослабить самыя послѣдствія неурожая, позаботиться о томъ, чтобы неурожай не приводилъ къ голоду. И вотъ со всѣхъ сторонъ слышится одинъ отвѣтъ: не отдѣльными мѣрами, а только общимъ подъемомъ культуры можно достигнуть этой цѣли: чѣмъ выше общественная культура, тѣмъ невозможнѣе голодъ.

Развитіе культуры выражается въ постоянномъ и неуклонномъ возрастаніи общественной сплоченности. Каждый новый шагъ по пути культурнаго развитія приводитъ все къ большей и большей зависимости человѣка отъ общественной среды. Общество охватываетъ собою человѣческую личность все крѣпче и тѣснѣе. Нравственныя ученія и экономическія условія современнаго общества одинаково сходятся въ этомъ стремленіи вездѣ и во всемъ на первое мѣсто ставить общее. Такое усиленіе общественной солидарности, такое подчиненіе частнаго общему какъ нельзя болѣе подходитъ къ нашему положенію: это очевидно вѣрнѣйшій путь къ тому, чтобы осилить постигшее насъ бѣдствіе.

Но въ сложномъ составѣ современной культуры имѣется одинъ элементъ не гармонирующий съ этимъ общимъ направленіемъ и образующій какъ бы встрѣчное теченіе; не подчиняющій личность требованіямъ общественной среды,

а обособляющій и оберегающій все индивидуальное, все особенное. Таково именно право, отмежевывающее индивиду свою неприкосновенную сферу свободы, гдѣ каждый самъ себѣ хозяинъ. Личность отгораживаетъ себя среди все возрастающей солидарности своими правами и требуетъ уваженія къ нимъ не только со стороны другихъ личностей, но и со стороны общественной власти. И общественной власти, признающей эти права, на каждомъ шагѣ приходится считаться съ ними, сообразуя съ ними свою дѣятельность. Безъ права дѣло было бы проще. Все слилось бы тогда въ одинъ согласный аккордъ, все подчинилось бы тогда требованіямъ общественнаго развитія. Права же отдѣльныхъ личностей, ограничивающія и стѣсняющія дѣятельность власти, представляются заурядъ лишь помѣхой общественному дѣлу. Не слѣдуетъ ли поэтому признать право чисто отрицательнымъ элементомъ общественной культуры; не служить ли право лишнимъ и только мѣшающимъ прогрессивному развитію общественной жизни придаткомъ?

Вѣдь вся современная культура основана на высокомъ началѣ общечеловѣческой солидарности, возвѣщенной великимъ ученіемъ Христа. А право вводитъ обособленіе и раздѣленіе. Не даромъ, и до сихъ поръ наука права и юридическое образованіе опирается какъ на свое основаніе на римское право, представляющее собою строгую и послѣдовательную систему чисто языческаго эгонзма. Къ чему современному обществу удерживать это повидимому чуждое христіанской цивилизаціи наслѣдіе языческой старины?

Не только христіанское вѣроученіе, и положительная наука какъ бы подсказываетъ намъ тоже сомнѣніе. Прошло то время, когда юристъ, отстаивая непреходящее значеніе права, могъ опереться на пресловутую гипотезу естественнаго права. Все охватывающее собою и все развивающееся историческое воззрѣніе лишаетъ права личности ихъ абсолютнаго значенія. Когда-то безусловное велѣніе разума, право признается теперь измѣнчивымъ продуктомъ истори-

ческаго развитія. Возникшее во времени, при однихъ условіяхъ общественной жизни, мѣняющееся во времени, не должно ли право также и исчезнуть, со временемъ, когда общество человѣческое разовьется въ крѣпкій и сплоченный организмъ?..

Чему, въ самомъ дѣлѣ, служить право? Конечно, индивидуализму. А самая историческая роль индивидуализма не сводится ли къ одной разрушительной задачѣ? Не видимъ ли мы въ послѣдовательномъ развитіи человѣческой исторіи, что индивидуалистическія ученія служили всегда лишь одному разрушенію устарѣлыхъ, изжившихъ свое содержаніе культурныхъ формъ. Своимъ вѣчнымъ протестомъ противъ всякаго признаннаго авторитета, индивидуализмъ, возбуждая духъ критики, подрывалъ уваженіе къ устоямъ стараго установившагося порядка, расчищалъ мѣсто для новаго культурнаго строя, но самъ ничего новаго создать не могъ. Когда приходилось отъ разрушенія переходить къ творчеству, индивидуализмъ опять смѣняли иного рода ученія, требовавшія прежде всего подчиненія индивидуальной личности общественному авторитету.

Исторія человечества изобилуетъ такого рода примѣрами. Такъ было въ древней Греціи, гдѣ индивидуалистическое ученіе софистовъ послужило какъ бы подготовкой только къ философскому ученію Платона, требовавшаго безусловнаго подчиненія всего частнаго, индивидуальнаго общимъ идеямъ. И въ государственной жизни Платонъ требовалъ полнаго поглощенія личности государствомъ. Не только собственность, но и бракъ, и семья, и музыкальныя мелодіи, и самыя дѣтскія игры—все подчинялось въ идеальномъ государствѣ Платона безграничной власти государства.

Но въ философскихъ ученіяхъ и въ самой жизни древней Эллады эта борьба индивидуализма съ общественнымъ авторитетомъ не получаетъ еще полнаго и яркаго выраже-

нія. Свойственное эллинамъ чувство изящнаго, чувство гармоніи умѣряло и смягчало этотъ споръ, придавая ему характеръ скорѣе философскаго пренія, чѣмъ отчаянной борьбы личности за свои права и свободу.

Въ новой Европѣ повторилась та же борьба, но только въ ббльшихъ размѣрахъ, и съ ббльшею рѣзкостью. Вся новая исторія представляетъ собою трагическую борьбу индивидуализма съ общественнымъ авторитетомъ. Съ эпохи возрожденія подымается горячая борьба за личную свободу противъ тѣснившихъ и угнетавшихъ ее устоевъ средневѣковаго быта. Въ искусство, въ религію, въ науку, въ ученія нравственности, всюду проникаетъ самый крайній индивидуализмъ. Индивидуальная человѣческая личность, и притомъ личность отрѣшенная отъ всѣхъ историческихъ и бытовыхъ условій, ставится мѣриломъ и основой всего сущаго и всего мыслимаго. Въ лицѣ Декарта новая философская мысль отвергаетъ все кромѣ личнаго самосознанія и освобожденная отъ всякаго подчиненія суверенная личность стремится все вывести изъ себя самой: и законы, управляющіе внѣшнимъ міромъ, и нравственныя начала и самого Бога. Развиваясь и расширяясь, этотъ индивидуализмъ изъ области мысли переходитъ въ область дѣйствительности и достигаетъ своего апогея въ шумномъ взрывѣ французской революціи.

Но въ то самое время, когда, казалось, индивидуализмъ разрушилъ всѣ мѣшавшія ему преграды, когда, можно было думать, наступило время для творчества, для установленія новаго общественнаго строя, зародилось и противоположное ученіе. Не успѣли еще замолкнуть побѣдные клики торжествующаго индивидуализма, какъ изъ-подъ обломковъ разрушенной старины послышалась новая проповѣдь подчиненія, новый призывъ къ отреченію отъ индивидуальной свободы во имя общественнаго авторитета.

На первый разъ эта проповѣдь прозвучала въ странной и причудливой формѣ сказочнаго социализма. Серьезные

люди встрѣтили ее улыбкой; гордые проповѣдники индивидуализма не считали достойнымъ обращать на нее вниманіе. Но время шло; социализмъ переживалъ свое дѣтство; сказка смѣнилась научной теоріей; полярныя короны и антильвы Фурье уступили мѣсто головоломнымъ формуламъ гегелевой діалектики—и съ новымъ ученіемъ уже нельзя было раздѣлаться однимъ презрительнымъ невниманіемъ. Еще шагъ дальше и социализмъ получаетъ практическую опору: за нимъ уже слышится лязгъ желѣза и виднѣтся тяжеловѣсная фигура желѣзнаго канцлера.

Соціалисты были только первыми застрѣльщиками. За ними тотчасъ же двинулись въ походъ противъ индивидуализма пестрыя полчища съ самыми разнообразными знаменами. Ожили старыя ученія, философскія и политическія, слишкомъ рано отпѣтыя индивидуализмомъ. Рационализму противопоставляются снова спекулятивныя и мистическія системы. Но не съ одними только старыми врагами придется теперь бороться индивидуализму. Вооружается противъ него и новая научная теорія, порожденная тѣмъ самымъ духомъ свободнаго изслѣдованія, который освобожденъ отъ тѣснившихъ его оковъ схоластики самимъ же индивидуализмомъ.

Итакъ индивидуализмъ со всѣхъ сторонъ тѣснить теперь враги, отвоевывая отъ него шагъ за шагомъ господство надъ умами. И самымъ опаснымъ врагомъ индивидуализма, самымъ беспощаднымъ оказывается именно позитивная доктрина. Она какъ бы говоритъ ему: уйди, ты сдѣлалъ свое дѣло, ты выполнилъ свою разрушительную миссію и тебѣ нечего болѣе дѣлать—созидать не твое дѣло. Ты освободилъ человѣческую личность изъ романтическаго плѣна средне-вѣковыхъ преданій. Но ей нельзя остаться свободной. Личность сама по себѣ—ничто. Это не болѣе, какъ обманъ нашего сознанія. Ея судьба служить матеріаломъ для общественной постройки, для процесса всемірной исторіи. Старый общественный строй рушился именно потому,

что не устанавливалъ достаточнаго подчиненія личности обществу; онъ еще считался съ нравственными требованіями, онъ еще искалъ основанія и оправданія своему господству въ завѣтахъ божественной личности. Прочный и твердый общественный строй установится лишь тогда, когда будетъ подчинять себѣ стремленія отдѣльныхъ личностей съ такой же безусловностью и безошадностью, какъ законы природы. И вотъ готовится новое подчиненіе личности еще болѣе полное, еще болѣе безусловное, чѣмъ прежде. Позитивизмъ подобно средневѣковому ученію отвергаетъ свободу личности и въ теоретической, и въ практической области, но на совершенно иныхъ основаніяхъ.

Средневѣковое ученіе требовало подчиненія личности авторитету во имя великаго религіознаго начала. Власть господствовала надъ личностью не во имя голой силы, а потому что каждая власть признавалась установленной Богомъ. Теперь, позитивизмъ требуетъ подчиненія личности общественной власти именно какъ силѣ, вслѣдствіе неумолимаго закона борьбы за существованіе, гдѣ всегда побѣждаетъ сильный и только сильный.

Средневѣковыя не допускало свободнаго изслѣдованія тѣхъ вѣковѣчныхъ вопросовъ, въ которыхъ весь смыслъ человѣческаго знанія, которые придаютъ ему цѣну, даютъ ему жизнь. Но стѣсненная мысль человѣка находила тогда себѣ утѣшеніе по крайней мѣрѣ въ томъ, что въ ученіи церкви ей предлагалась уже готовое и лучшее рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ. Теперь такое же вето налагаетъ на изслѣдованіе всѣхъ этихъ вопросовъ и позитивная теорія, не только не указывая другаго пути найти ихъ рѣшенія, но отвергая даже за ними всякій смыслъ. Для позитивизма самое стремленіе осмыслить индивидуальное бытіе, придать ему самостоятельное значеніе—результатъ грубаго заблужденія.

Средневѣковое порабощеніе личности было все-таки скрашено живымъ чувствомъ вѣры, чарующей мечтой о

далекой странѣ чудесь. Подчиненіе личности обществу, какого требуетъ позитивизмъ, лишено этой романтической окраски. Тутъ все реально и прозаично, и нѣтъ ни мѣста чувству вѣры, ни простора воображенію.

Словомъ, личности только что возмечтавшей о свободѣ со всѣхъ сторонъ грозитъ новый и еще горшій плѣнъ: безъ того поэтическаго ореола, безъ той вѣры въ лучшій міръ, что въ самое темное время средневѣковья скрашивали человѣку тѣснившее его иго.

Это будущее такъ непривѣтно, такъ мрачно, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно, повидимому, такъ неизбежно, опирается на такіе серьезные доводы, что невольно возникаетъ сомнѣніе не близится ли и въ самомъ дѣлѣ окончательная гибель индивидуализма? Не должны ли мы индивидуализмъ и неразрывно связанное съ нимъ право признать пережитымъ и обветшалымъ элементомъ общественной культуры? Не должны ли мы вмѣстѣ съ Огюстомъ Контomъ отвергнуть право какъ понятіе одинаково и бессмысленное и безнравственное ¹⁾ или если угодно сохранить названіе права, но придать ему, слѣдуя нѣмецкимъ юристамъ школы Иеринга, значеніе лишь «политики власти» ²⁾, видѣть сущность права не въ свободѣ личности, а въ подчиненіи ея общественному авторитету.

Правда, индивидуализмъ находитъ себѣ неизмѣннаго и надежнаго союзника въ нашемъ личномъ сознаниі. Кто не дорожитъ самостоятельностью? Кого не плѣняетъ свобода?

¹⁾ Tout droit humain est absurde autant qu'immoral. Et puisqu'il n'existe pas de droit divin, cette motion doit s'effacer complètement comme purement relative au régime préliminaire, et directement incompatible avec l'état final qui n'admet que des devoirs d'après des fonctions. Catéchisme positiviste; p. 288.

²⁾ Die Gewalt gelangt zum Recht nicht als zu etwas ihr Fremdem, das sie von ausserhall vom Rechtsgefühl entlehnen und nicht als zu etwas Höherem, dem sie im Gefühl ihrer Inferiorität sich unterordnen müsste, sondern sie treibt das Recht als Maass ihrer selbst aus sich heraus—das Recht als *Politik der Gewalt*. Zweck im Recht, I, 2 Aufl. s. 249.

Но и противоположное учение имѣтъ чѣмъ подкупить чело-
вѣка: личному, индивидуальному, частному оно противопо-
ставляетъ общее. Оно требуетъ отреченія отъ индивидуа-
лизма, какъ приводящаго къ обособленію, къ раздѣленію,
къ узкому эгоизму ради общей солидарности людей.

Повидимому вопросъ разрѣшается уже однимъ этимъ
сопоставленіемъ. Возможно ли частное поставить выше об-
щаго, индивидуальное выше общечеловѣческаго; возможно
ли отрицать необходимость подчиненія общему всего част-
наго и особеннаго?

Однако я попробую это сдѣлать и начну съ вопроса,
на чемъ же основывается эта необходимость предпочитать
общее всему частному?

Въ нашихъ сужденіяхъ нерѣдко рѣшающее значеніе имѣ-
ютъ слова,—слова по себѣ, какъ звуки. Есть слова, которыя
пугаютъ насъ; другія, напротивъ, какъ-то невольно чаруютъ
наше воображеніе, хотя мы часто и сами не можемъ дать
себѣ отчета въ чемъ тутъ причина. Къ такимъ плѣнитель-
нымъ для нашего слуха словамъ относятся безъ сомнѣнія
и слова общій, общность, общечеловѣчскій. Мы всѣ какъ-
то невольно, по привычкѣ, ставимъ все общее выше част-
наго, особеннаго; приписываемъ общему какое-то особенное
превосходство; признаемъ за общимъ какія-то особыя права
на подчиненіе ему всего частнаго, всего особеннаго.

Это превознесеніе общаго надъ частнымъ идетъ безспор-
но, главнымъ образомъ, отъ людей науки и не трудно понять
почему именно. Въ наукѣ общее дѣйствительно занимаетъ
первенствующее мѣсто, имѣтъ преобладающее значеніе.
Научное знаніе есть именно обобщенное знаніе. Въ этомъ
его особенность, его смыслъ, его достоинство и его несо-
вершенство. Человѣкъ по ограниченности своей природы не
въ состояніи познать всѣхъ индивидуальных явленій, со-
вершающихся во вселенной. Его непосредственному вос-
пріятію доступна лишь незначительная часть окружающихъ

его явленій. И вотъ недостатокъ конкретнаго знанія, по необходимости крайне ограниченнаго, восполняетъ ему наука, дающая только абстрактное, а потому менѣе полное, менѣе живое, но за то болѣе общее знаніе. Если бы мы были совершенны и всевѣдущи какъ боги, если бы нашему знанію было доступно все сущее въ его индивидуальномъ разнообразіи, въ его прошломъ, настоящемъ и будущемъ, научныя обобщенія стали бы для насъ совершенно излишни. Если я знаю напередъ каждое отдѣльное явленіе въ его конкретной индивидуальности, зачѣмъ мнѣ могутъ понадобиться общіе законы этихъ явленій? Но познавательная способность человѣка ограничена. Наша память не можетъ удержать въ себѣ безграничнаго множества воспріятій. Нашъ умъ не можетъ провидѣть будущее въ конкретной формѣ. Поэтому частью для мнемоническихъ цѣлей, для бѣльшаго удобства запоминанія, частью для предвидѣнія по крайней мѣрѣ въ общей формѣ будущихъ явленій, мы обобщаемъ наше знаніе, придаемъ ему форму науки, расширяющей наше знаніе въ ущербъ его конкретности.

Значеніе научнаго знанія для человѣка стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія и спора. Но достоинство научнаго знанія не въ его общности, а въ его широтѣ. Общность и неразрывно съ нею связанная абстрактность не достоинство, а несовершенство. Если бы можно было достигнуть такой же широты знанія, не обобщая его, а сохраняя за нимъ непосредственную конкретность, было бы еще лучше. И только потому, что это для насъ недостижимо и что, слѣдовательно, широта необходимо обусловливается общностью мы цѣнимъ и общность какъ признакъ широты.

Итакъ въ наукѣ общность есть дѣйствительно признакъ достоинства. Чѣмъ общѣ положенія науки, тѣмъ легче удержать ихъ въ памяти, тѣмъ болѣе широкой кругъ явленій объемлетъ ими. Но слѣдовательно и тутъ, и въ области знанія общность имѣетъ значеніе только средства, ко-

торымъ достигается широта знанія. Настоящимъ же предметомъ знанія всегда служитъ частное, индивидуальное.

Въ сферѣ практической дѣятельности это сказывается съ еще бѣльшей силой. Все чѣмъ дорожитъ человѣкъ въ своей жизни, все что трогаетъ его сердце, все что придаетъ смыслъ и интересъ самой жизни—все это не общее, а индивидуальное. Если бы для насъ всѣ окружающіе люди стали безразличны, если бы всѣ условія нашей жизни слились въ одно, потеряли бы свои конкретныя особенности, если бы время не приносило съ собой новыхъ случайностей, если бы, словомъ, изъ нашей жизни исчезло все индивидуальное и у насъ не было бы на всей земли ни одного роднаго намъ уголка, ни одного дорогаго намъ человѣка, ни одного завѣтнаго воспоминанія о пережитой минутѣ счастья, наше существованіе стало бы невыносимо однообразнымъ и бессмысленнымъ, оно перестало бы быть жизнью.

Обращаясь отъ личной сферы къ общественной жизни мы находимъ то же самое. И тутъ человѣкъ ставитъ на первое мѣсто свою индивидуальную личность, свои личныя стремленія. Оцѣнка всѣхъ условій государственнаго строя и общественнаго быта дѣлается имъ именно по соображенію съ тѣмъ насколько они содѣйствуютъ осуществленію личныхъ цѣлей. Весь общественный строй является въ нашихъ глазахъ не цѣлью, а только средствомъ.

Таковы факты повседневной жизни. Но можетъ быть не такъ должно быть согласно требованіямъ нравственнаго идеала? Можетъ быть въ этой склонности общественное подчинять индивидуальному мѣрилу сказывается только нашъ эгоизмъ, долженствующій съ большимъ нравственнымъ развитіемъ уступить мѣсто полному отреченію отъ всего индивидуальнаго?

Нравственныя ученія очень разнообразны. Между ними имѣются безъ сомнѣнія и такія, которыя основаны всецѣло на полномъ отрицаніи всего индивидуальнаго. Современныя

ученія нравственности тѣмъ характерно и отличаются отъ нравственныхъ ученій древности, что на первый планъ ставятъ не заботу о собственномъ блаженствѣ, а служеніе другимъ, заботу о чужомъ благѣ, любовь къ своимъ ближнимъ. Альтруизмъ составляетъ безспорно самую характерную особенность этическихъ системъ новаго времени, и нерѣдко альтруизмъ этотъ доводится до полного поглощенія всѣхъ индивидуальныхъ личностей единымъ великимъ существомъ—человѣчествомъ.

Однако, если мы обратимся къ первоосновѣ всего современнаго альтруизма, къ нравственному ученію Христа, мы увидимъ нѣчто иное. Христіанское ученіе требуетъ любви ко всѣмъ нашимъ ближнимъ, но оно не превращаетъ нашихъ ближнихъ въ какой-то безжизненный абстрактъ, въ отвлеченную, общую идею. Христіанство учитъ насъ любить людей именно какъ живыхъ, конкретныхъ, индивидуальныхъ личностей, во всемъ ихъ частномъ разнообразіи, со всѣми ихъ достоинствами и пороками, въ ихъ величій и въ ихъ пошлости. И самъ великій Учитель евангельской истины показалъ намъ своимъ примѣромъ, что все частное, все индивидуальное, какъ бы оно ни было мелко и ничтожно, храня въ себѣ зерно жизни, достойно нашего вниманія и любви. Придя на землю съ великой задачей спасти міръ, Онъ не проходилъ безучастно мимо даже самыхъ мелкихъ явленій индивидуальной человѣческой жизни, встрѣчавшихся Ему на пути Его великаго служенія.

Въ этомъ признаніи достоинства и значенія частнаго и индивидуальнаго и заключается великая правда и великая сила христіанской нравственности. Это ученіе жизни, это нравственный законъ живыхъ личностей, а не отвлеченныхъ, безжизненныхъ понятій.

То же самое, наконецъ, находимъ мы и въ религіи. Отвлеченный богъ деизма или абстрактное непознаваемое позитивизма по необходимости остаются лишенными всякой жиз-

ненной силы, всякой власти надъ нашею волею. Мы можемъ ихъ допускать, какъ необходимое восполненіе оставляемаго научною мыслью пробѣла, но имъ нельзя вѣрить. Наполнить наши сердца любовью, творить чудеса можетъ только живой и личный Богъ.

Итакъ, во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни, въ знаніи, въ нравственности, въ религіи—вездѣ главнымъ и существеннымъ представляется не общее, а индивидуальное. Обобщеніе только средство, къ которому человѣкъ прибѣгаетъ, чтобы расширить свое знаніе, свою волю, свое чувство. Но основу и цѣль жизненной дѣятельности всегда и во всемъ составляетъ индивидуальное.

Наше сознаніе ставитъ нашей жизни слишкомъ много и слишкомъ широкихъ задачъ; наши стремленія такъ безпредѣльны, что не умѣщаются въ тѣсныхъ предѣлахъ, отведенныхъ человѣческому существованію. Въ этомъ трагизмъ человѣческой жизни, но въ этомъ же и ея смыслъ, и ея обаяніе. Кому нечѣмъ переполнить свою жизнь, тому не зачѣмъ и жить.

То же самое повторяется и въ общественной жизни. И здѣсь тотъ же избытокъ идей, стремленій, задачъ, интересовъ. Каждая индивидуальная мысль съ жадностью стремится все обнять, все захватить; каждая индивидуальная воля стремится всему поставить свои цѣли и задачи, подчинить всю общественную жизнь своимъ идеаламъ. И каждый борется за свои идеи, за свои интересы, и въ результатѣ получается непрерывное историческое развитіе, все шире и полнѣе раскрывающее смыслъ и содержаніе человѣческой жизни. Если бы когда-нибудь замолкли индивидуальныя стремленія, если бы когда-нибудь прекратилась ихъ борьба между собой, тогда неизбежно остановилось бы и всякое общественное развитіе. Общественная жизнь тогда бы замерла. Для жизни, для развитія необходимы эти противорѣчащія, сталкивающіяся между собой стремленія отдѣльныхъ личностей къ исключительному осуществленію

своихъ идей, своихъ интересовъ, потому что безъ борьбы нѣтъ жизни.

Между тѣмъ развитіе общественной культуры неуклонно ведетъ все къ большому и большому сплоченію индивидовъ въ общественные агрегаты, къ тому что все въ человѣческой жизни получаетъ все больше и больше общественный характеръ. Общественное развитіе идетъ, такъ сказать, рука объ руку съ общественной интеграціей. Во всѣхъ сферахъ человѣческой жизни все усиливается начало сотрудничества. То что прежде дѣлалось отдѣльною личностью за свой личный страхъ теперь становится общимъ дѣломъ все растущихъ и расширяющихся общественныхъ группъ. Человѣкъ на каждомъ шагѣ видитъ себя связаннымъ тысячами культурныхъ нитей съ другими людьми. Онъ постоянно и неизбежно пользуется плодами дѣятельности другихъ и самъ дѣйствуя не можетъ не дѣйствовать вмѣстѣ съ тѣмъ и для другихъ. Культура вноситъ во всю общественную жизнь какъ бы взаимное страхованіе, все соединяя и обобщая. Случайныя неудачи, опасности, бѣдствія не падаютъ въ культурномъ обществѣ на отдѣльныхъ только личностей или на отдѣльныя только мѣстности, но распредѣляются въ своихъ послѣдствіяхъ между всѣми и потому дѣлаются для каждаго менѣ чувствительными. Общественныя бѣдствія теряютъ свой острый характеръ, но дѣлаются болѣе хроническими. Такъ, чтобы не ходить далеко за примѣромъ, неурожай въ странахъ болѣе высокой общественной культуры не порождаетъ голода. Большое развитіе обрабатывающей промышленности, и въ особенности обиліе накопленныхъ ранѣ капиталовъ даетъ имъ возможность съ большею легкостью парализовать вредныя послѣдствія неурожая. Но послѣдствія эти и тамъ не уничтожаются вовсе, а только изъ острыхъ превращаются въ хроническія. Накопленіе капиталовъ не дается само собой. Въ теченіи долгихъ лѣтъ многимъ тысячамъ приходилось отказывать себѣ во всякомъ излишкѣ и даже прямо не доѣдать, для того чтобы сдѣ-

латъ осуществимымъ то обиліе накопленныхъ капиталовъ, которыми Западная Европа теперь хвалится передъ нами.

То же самое мы увидимъ и въ другомъ благѣ приносимомъ культурнымъ развитіемъ—въ упроченіи мирнаго порядка. Войны теперь стали, дѣйствительно, несравненно рѣже и короче чѣмъ въ старое время, но эта выгода покупается цѣною содержанія и въ мирное время огромныхъ армій, тяжелымъ бременемъ ложащихся и на государственный бюджетъ, и на народное благосостояніе. Если теперь менѣе человѣческихъ жизней гибнетъ отъ руки врага, за то чуть не все населеніе государства лучшіе годы жизни принуждено проводить въ казармахъ и тогда, когда миру ничто не угрожаетъ.

Повторяю, развитіе общественной культуры не уничтожаетъ народныхъ золъ и бѣдъ, но только придаетъ имъ болѣе хроническій, менѣе острый характеръ. Въ этомъ, конечно, не малая выгода. Хроническая болѣзнь чувствуется не такъ сильно, ее легче переносить, съ ней удобнѣе бороться уже потому что получается выигрышь времени: есть когда одуматься и приготовиться къ необходимымъ мѣрамъ. Но если въ общественной жизни все получить хроническій характеръ, если послѣдствія всего переживаемаго обществомъ будутъ распредѣляться на длинныя промежутки времени, общественная жизнь рискуетъ опасностью прійти въ такое устойчивое равновѣсіе, что сдѣлается невозможнымъ никакое движеніе впередъ. Слишкомъ уравновѣшенная общественная культура неизбѣжно обречена на китайскую неподвижность.

Для устранения этой опасности и является надобность въ правѣ, оберегающемъ все частное, индивидуальное, окружающемъ индивида, какъ предохранительную сѣть, цѣлой системой юридическихъ нормъ.

Право по самому своему существу не допускаетъ подчиненія всей общественной жизни какому-нибудь одному господствующему интересу. Право необходимо предполагаетъ противоположеніе нѣсколькихъ самостоятельныхъ интере-

совъ, другъ другу противопоставляемыхъ и другъ друга ограничивающихъ. Назначеніе права и заключается именно въ разграниченіи сталкивающихся между собой интересовъ. Вопросъ о правѣ только тогда и возникаетъ, когда одному признанному интересу противопоставляется другой такъ же признанный и такъ же требующій для себя обезпеченія возможности осуществленія. Если какому либо одному интересу придается безусловное значеніе и ему не противопоставляются, а подчиняются всѣ другіе, то получается безправое состояніе, принимающее въ государственномъ быту форму деспотіи, въ частномъ быту—форму рабства. Напротивъ развитіе права выражается въ признаніи все большаго и большаго круга интересовъ, которые всѣ получаютъ самостоятельное значеніе, которымъ всѣмъ обезпечивается возможность осуществленія, конечно, въ опредѣленныхъ предѣлахъ, устанавливаемыхъ разграничивающими ихъ юридическими нормами.

Такъ въ древности гражданское право обращало вниманіе исключительно на интересъ возможно большаго обезпеченія неуклоннаго взысканія долга и совершенно игнорировало интересы должника. Поэтому древнія законодательства относятся къ должнику съ необычайной суровостью, доходившей въ римскомъ правѣ до права кредиторовъ разсѣкать неисправнаго должника на части. Теперь этому одностороннему интересу противопоставляются интересы должника, въ которомъ и при его неисправности видятъ все-таки чело-вѣка: и вотъ не только охраняется неприкосновенность его тѣла, но и его свобода и даже неприкосновенность необходимыхъ орудій его промысла, которыя не могутъ быть обращены на покрытіе долга.

Такъ античныя государства совершенно поглощали собою личность гражданина, который никакихъ правъ не могъ противопоставить безграничному всемогуществу государства. А современная государственная жизнь не мыслима безъ признанія извѣстныхъ правъ гражданской свободы, неприкосновенныхъ и для самой государственной власти.

Такъ въ старое время война влекла за собой полное безправіе. Противъ врага считалось все дозволеннымъ. А въ современныхъ войнахъ все расширяется кругъ лицъ и предметовъ, пользующихся полною нейтральностью независимо отъ ихъ непріятельской національности и такимъ образомъ даже за врагами признаются извѣстные права.

Упроченіе и развитіе права приводитъ къ тому, что вся масса разнообразныхъ интересовъ составляющихъ содержаніе человѣческой жизни получаетъ себѣ признаніе и взаимно разграничивается. Поэтому каждое индивидуальное стремленіе находитъ себѣ въ развитомъ правовомъ быту возможность извѣстнаго осуществленія на ряду съ другими. Благодаря праву господствующіе культурные интересы данной эпохи не подавляютъ собою всѣхъ другихъ, а напротивъ и имъ отмежевывается извѣстная сфера проявленія. Если бы права не было, данный культурный строй быть можетъ получилъ бы болѣе полное осуществленіе, его основныя начала проявились въ болѣе послѣдовательной и безусловной формѣ. Но за то право оберегаетъ элементы будущаго прогрессивнаго развитія, спасая разнообразные индивидуальные интересы отъ поглощенія ихъ однимъ господствующимъ въ данный моментъ интересомъ.

Итакъ право должно быть признано необходимымъ элементомъ общественной культуры. Культурное развитіе выражается въ расширеніи и усиленіи общественнаго элемента: теоретическое и техническое знаніе, нравственные навыки, скопленіе капиталовъ, общественныя учрежденія, содѣйствующія человѣку въ его разнообразной дѣятельности,— все это является общественнымъ достояніемъ, всѣмъ этимъ надѣляетъ человѣка окружающая его общественная среда. Но все это—только средство. Цѣль и основа жизни только въ индивидуальномъ. И вотъ для того, чтобы исторически вырабатываемая общественная культура не утратила своей жизненности, чтобы она не замерла въ неподвижномъ за-

стоѣ, необходимо, чтобы цивилизація включала въ себѣ и право, обособляющее и оберегающее индивидуальное.

И въ томъ общемъ дѣлѣ, которое собрало насъ здѣсь сегодня, въ этой борьбѣ съ народной невзгодой, общія идеи могутъ нами руководить, могутъ указать намъ средства борьбы, но для того чтобы явиться въ этой борьбѣ достойнымъ дѣятелемъ надо въ самомъ себѣ носить живое индивидуальное чувство, которое можетъ развиваться и окрѣпнуть въ обществѣ только подъ охраною права.

22 ноября 1891 года.

ЮФ СПбГУ